

Иванова Ирина Сергеевна

КОНЦЕПТЫ "МУЖЧИНА" И "ЖЕНЩИНА" В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА "ОБИТЕЛЬ"

В статье впервые предпринята попытка анализа концептов "мужчина" и "женщина" в романе З. Прилепина "Обитель". Основное внимание уделяется лексемам "мужчина", "женщина", "мужик", "баба", анализируются их ядерные и периферийные значения. В результате анализа делается вывод о том, что концепт "мужчина" во многом совпадает с концептом "человек", а ядром концепта "мужик" является сила. В ядре концепта "женщина" находится самопожертвование, а главным аспектом параметризации данного концепта становятся ее взаимоотношения с мужчиной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 90-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Башлачев А. Тесто // Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. СПб.: Амфора, 2010. С. 134-136.
5. Гавеля В. Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1998. 320 с.
6. Иванов Д. И. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 107-111.
7. Иванов Д. И. Особенности моделирования системы целевых когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности: общие вопросы // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. № 3. С. 94-105.
8. Иванов Д. И. Специфика функционирования системы «субъект-источник – субъект-интерпретатор» в рамках теории синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 109-113.
9. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т международных исследований (Китай), Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
10. Иванов Д. И., Гавриков В. А. Неомифологическая составляющая синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 24-27.
11. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Антропоцентрическая парадигма и теория синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 96-100.
12. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 332 с.
14. Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 50-55.
15. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык и литература во времени и пространстве: XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: материалы научного конгресса: в 4-х т. Шанхай: Шанхай Пресс, 2011. Т. 2. С. 12-18.
16. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2008. 314 с.

PECULIARITIES OF MODELING OF THE SYSTEM OF SELF-IDENTIFICATION COGNITIVE-PRAGMATIC ATTITUDES OF A SYNTHETIC LANGUAGE PERSONALITY: GENERAL THESES

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, The People's Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Within the framework of this material the article considers the peculiarities of the formation of the system of self-identification cognitive-pragmatic attitudes in the context of the modeling of the cognitive-pragmatic program of a synthetic linguistic personality. The specificity of interaction between the self-identification and target cognitive subsystems is defined. The paper proposes a general abstract model of the system of self-identification cognitive-pragmatic attitudes, consisting of two main levels: a) the level of self-identification cognitive-pragmatic attitudes of a strategic type; b) the level of self-identification cognitive-pragmatic attitudes of a tactical type.

Key words and phrases: synthetic linguistic personality; self-identification; target; system of cognitive-pragmatic attitudes; cognitive-pragmatic program; self-identification marker.

УДК 8; 81.42

В статье впервые предпринята попытка анализа концептов «мужчина» и «женщина» в романе З. Прилепина «Обитель». Основное внимание уделяется лексемам «мужчина», «женщина», «мужик», «баба», анализируются их ядерные и периферийные значения. В результате анализа делается вывод о том, что концепт «мужчина» во многом совпадает с концептом «человек», а ядром концепта «мужик» является сила. В ядре концепта «женщина» находится самопожертвование, а главным аспектом параметризации данного концепта становятся ее взаимоотношения с мужчиной.

Ключевые слова и фразы: З. Прилепин; «Обитель»; концепт; ядро концепта; параметризация концептов «мужчина», «женщина»; концептуальный анализ; художественный текст.

Иванова Ирина Сергеевна, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
Iveeral@yandex.ru

**КОНЦЕПТЫ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА»
В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»**

Прежде чем приступить к анализу концептов «мужчина» и «женщина» в романе З. Прилепина «Обитель» [11], рассмотрим значение данных лексем в русской языковой картине мира, под которой мы, вслед за О. А. Корниловым, будем понимать «универсальное глобальное знание», являющееся результатом работы коллективного

сознания, зафиксированного в лексическом и фразеологическом составе языка [7, с. 4]. Такой подход подразумевает, что «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающих данный вид сознания», это позволяет говорить о множественности языковых картин мира [Там же], в том числе и о картине мира художественного произведения.

Как нам кажется, в словарях различного рода наиболее наглядно представлена «универсальная» языковая картина мира, под которой следует понимать «образ действительности, сложившийся в коллективном сознании того или иного народа» [4, с. 160]. Проанализировав толкования лексем «мужчина» и «женщина», данные в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) [14], «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (создавался в 40-60-е годы XX века) [10], «Комплексном словаре русского языка» А. Н. Тихонова, Е. Н. Тихоновой, С. А. Тихонова (2005) [13], «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой (2014) [6], мы можем утверждать, что со времени выхода в свет «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова лексема «женщина» утратила некоторые свои значения: «лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.)» и «женская прислуга», но не это является самым интересным. В 40-60-х годах прошлого века («Словарь русского языка» С. И. Ожегова) [10] для того, чтобы называться женщиной, недостаточно было только отличаться по полу от мужчины. Следовало иметь брачные (сексуальные) отношения, рожать детей и кормить их грудью, никакая социальная ответственность или обязанность мужчины в толковании лексемы «мужчина» в словарях не прослеживается.

Анализ словарных статей показал, что в русской языковой картине мира до недавнего времени к женщинам предъявлялись более высокие социальные и нравственные требования, чем к мужчинам. Тогда как на современном этапе женщина – это всего лишь «лицо женского пола», сохраняется лишь анатомическая разница между мужчиной и женщиной.

Помимо словарей, универсальную языковую картину мира отражают фразеологические единицы, народные пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки, включающие лексемы «мужчина» и «женщина», мы не выявили. Но слова «баба» и «мужик», которые в разговорной речи употребляются как их синонимы, встречаются довольно часто, например: *баба с возу, кобыле легче; баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; бабы города недолго стоят; у бабы волос долог, да ум короток; где черт не сладит, туда бабу пошлет; курица не птица, баба не человек; бабы умы разоряют дома; пусти бабу в рай, а она за собой и корову ведет* [1]; *мужик в семье, что матица в избе; мужик да собака во дворе, а баба да кошка в избе; мужик задним умом крепок; мужик хоть и сер, да ум у него не волк съел; мужик напьётся – с барином дерется, а проспится – свиньи боится* [2].

Эта небольшая подборка пословиц и поговорок демонстрирует, что в русской универсальной языковой картине мира баба (женщина) – это существо, являющееся помехой, препятствием, обузой в любом деле. Баба не способна мыслить, создавать орудия труда, что-либо долговечное. Мужик (мужчина) не подвержен критике в коллективном сознании русского народа, к нему сформировано уважительное, слегка ироничное отношение. Пословиц и поговорок, указывающих на критичное, уничижительное отношение к женщине, больше, чем пословиц и поговорок, негативно характеризующих мужчин. Но вместе с этим в русской языковой картине мира произошла и фиксация важной, если не первостепенной роли женщины в семейно-бытовых отношениях.

Так как лексемы «мужчина» и «женщина» являются неотъемлемой частью русской языковой картины мира, мы сочли возможным считать их концептами.

В лингвистике существует множество определений данного термина. «Краткий словарь когнитивных терминов» определяет концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 90].

Ю. С. Степанов в книге «Константы: словарь русской культуры» пишет, что, с одной стороны, концепт является «сгустком культуры в сознании человека», а с другой – средством, при помощи которого рядовой человек сам входит в культуру [12, с. 43].

В. А. Маслова дает обобщенное определение концепта: «...это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры». Она считает, что концепт «маркирует» этническую языковую картину мира, отражает этническое мировоззрение и одновременно с этим является «квантом знания», который отражает человеческую деятельность. Он возникает при взаимодействии словарного значения слова и личного опыта человека, или социума, при этом концепту присущи эмоциональность, экспрессивность, оценочность [9, с. 47].

Большинство ученых в сложной структуре концептов выделяют ядро и периферию. Словарные значения лексемы представляют собой ядро концепта, так как именно они дают представление о базовом содержании концепта, которое отражено в сознании всех носителей языка. Периферия концепта включает субъективный опыт индивида или группы лиц, объединенных по каким-либо признакам, параметрам, категориям, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации – всё то, что обуславливается национальной культурой, социальным статусом, психическими и психологическими особенностями.

Концепты «мужчина» и «женщина» входят в концептуальное поле концепта «человек», который мы рассматривали в работе «Концепт “человек” в романе Захара Прилепина “Обитель”» [3]. Анализ текста показал, что в романе «Обитель» ядром концепта «человек» является наличие души. Ни разум, ни речь, ни труд, ни свобода не сделают тебя человеком, если ты отрицаешь само её существование [Там же, с. 96]. Данное понимание человека в романе, в соответствии с социокультурными традициями русского народа, нашедшими отражение в его коллективном сознании и в русской языковой картине мира, относится только к мужчине.

Действие романа происходит в послереволюционный период, в эпоху, когда в силу грандиозных социокультурных, политических и экономических изменений в стране меняется и патриархальная роль женщины в обществе. Женщины начинают вести активную социальную, политическую и профессиональную деятельность, некоторые, как главная героиня романа Галина Кучеренко, получают власть над мужчинами.

Галина – «женщина Эйхманиса» [11, с. 15], сотрудница информационно следственного отдела (ИСО), завязавшая отношения с лагерником Артемом от обиды на любимого мужчину. Кроме Галины, в романе присутствуют женщины-заключенные, жена господина Виоляра – «грузинская княжна, восхитительная красавица» [Там же, с. 42], вольнонаемные женщины, которые встречаются Артему, свободные женщины – мать Осипа Троянского, дочь некоего заключенного «нечеловеческой красоты, как весенний цветком рождённая...» [Там же, с. 433], на которой женился Эйхманис, Мари – жена иностранца, трогательно пытающаяся спасти мужа. Видим мы всех этих женщин мужскими глазами Артема и других персонажей-мужчин.

Всего лексема «женщина» встречается на страницах романа 97 раз. Эти 97 употреблений делятся на две группы – женщина как биологический вид, противоположный мужчине по полу (57 употреблений), и женщина как объект удовлетворения сексуальных потребностей (40 употреблений). К первой группе можно привести следующие примеры: *Женщина молча потянула поводья влево, чем-то будто бы раздражённая* [Там же, с. 16]; *...безо всякой надобности застрелил там несколько человек, включая женщину...* [Там же, с. 108]; *...он направился к олешке одновременно с женщиной, не замечая её* [Там же, с. 128]; *...появился строй женщин, направлявшихся на общие работы* [Там же, с. 78]. Ко второй группе относятся такие примеры: *Эйхманис и его женщины были верхом...* [Там же, с. 15]; *Встретили женщину – ещё вполне себе ничего...* [Там же, с. 46]; *Женщины у него не было уже четыре месяца* [Там же, с. 63]; *Буду здесь без стихов жить, как без женщины. Потом слаще окажется попробовать* [Там же, с. 88]; *Выше этажом смеялись женщины, молодые и голые* [Там же, с. 149]; *Представил себе женщину, белую в тех местах, где у неё белое, тёмную – где тёмное...* [Там же, с. 280]; *...не менее сильный, чем апельсин, был вкус этой женщины...* [Там же, с. 337]; *...чувство к женщине находило... <...> ...в руках, в ладонях возникало навязчивое, как зуд, ощущение её тела – лопатки, шеи, другого всякого...* [Там же, с. 359] и др.

Лексема «баба», которая является просторечным, часто грубым эквивалентом слова «женщина», отмечена в тексте 16 раз. Этим словом, так же как и словом «женщина», в романе именуется лицо, противоположное по полу мужчине (мужик), и лицо, предназначенное для половых отношений (их соотношение приблизительно одинаково): *Баба тебе будет давать...* [Там же, с. 72]; *И баба с капустой угостила меня кочерыжкой...* [Там же, с. 109]; *У него баба в административной части, такая, мля, страшная...* [Там же, с. 131]; *– А откуда у тебя баба? – У меня бабы нет, – начал блатной говорить...* [Там же, с. 153]; *– Баба там. <...> На кровать не ложитесь. Стоя случайтесь* [Там же, с. 162]; *Столько жулья поймал, а одна баба тебя сбила с панталыку...* [Там же, с. 435] и др.

Лексема «мужчина» встречается в тексте 25 раз, а лексема «мужик» – 41 раз. Лексема «мужчина» в подавляющем большинстве случаев используется для указания на взрослого человека мужского пола: *...обращаясь исключительно ко взрослым мужчинам...* [Там же, с. 10]; *...взрослый мужчина, не способный на подлость или, в крайнем случае, убийство, выглядит скучно* [Там же, с. 59]; *...крупный, давно не бритый мужчина...* [Там же, с. 172]; *...смотреть нетрезвому, взрослому, раздражённому, под пятьдесят лет мужчине в глаза – не самое большое удовольствие в жизни* [Там же, с. 325]. Единственный раз лексема «мужчина» употреблена в тексте для обозначения полового партнера в сцене исповеди и покаяния Владычке при перечислении грехов: *Согрешил противоестественным блудом с мужчиной* [Там же, с. 564]! Слово «мужик» в значении «крестьянин» употребляется 17 раз: *чернозёмный мужик, рязанский мужик, русский мужик, мужик и рабочий; Из мужика дают все соки! Из пролетариата – дают!* [Там же, с. 273]; *Мужик слушал попа почти тысячу лет...* [Там же, с. 277] и др., и 24 раза как просторечный синоним слова «мужчина»: *Если четыре мужика могли справиться с баланом – значит, он был самого малого размера* [Там же, с. 73]; *Неприветливый, надгорбленный работой мужик вышел из помещения...* [Там же, 74]; *На разводе появился незнакомый, крепкий, молодой, в очках мужик* [Там же, с. 190] и т.д.

В общей сложности было выявлено 544 лексические единицы, содержащие сему «человек», в лексико-семантическое поле которой входят лексемы «мужчина», «мужик», «женщина», «баба». Из них 396 называют лиц мужского пола, 100 слов – общего рода, собирательных существительных и слов, называющих группу или категорию лиц, которые могут быть отнесены как к мужчинам, так и к женщинам, и 52 слова относятся к лицам женского пола. Все лексемы, называющие «мужчин», делятся, прежде всего, на две большие лексико-семантические группы – лагерники и чекисты. Эти группы можно разбить на условные подгруппы, в которых мужчины именуется: по роду деятельности (*агитатор, бродяга, заведующий, контрреволюционер, мастеровой*), по специальности (*агроном, акробат, банщик, бондарь, врач, грузчик, дворник, инженер-телефонист*), по социально-политическим убеждениям (*анархист, каэр, нэпман, обновленец, революционный деятель, террорист*), по церковному сану или статусу (*архиепископ, архимандрит, владычка, длинногривый брат, епископ, игумен, ксендз, лицо духовного звания, митрополит, монах, мулла, пустынный, расстрига, священник*), по криминальной специальности или категории (*блатной, бытовик, вор, грабитель, домушник, жулик, казнокрад, карманник, картёжник, конокрад, леопард, мазурик, мошенник, рецидивист, уголовник, фармазон, фитиль, фраер, шакал, шпана, шулер*), по чертам характера (*балагур, демагог, идеалист, лихач, повеса, не без приятности человек, негодяй, пошляк, праведник, упрямец, хам, хлебосол, чудак*), по карме/судьбе (*мученик, смертник, страстотерпец, счастливец*), по социальному происхождению (*аристократ, барчук, интеллигент, купец, лагстароста, мецанин, холоп*), по родственным/семейным отношениям (*брат, дед, дедушка, дитя, дядька, жёних, муж, отец, отчим, суженый*), по психофизическим особенностям или физиологическим характеристикам

(*белёсый, богатырь, бугай, всклокоченный, гений, доходяга, мерин, один из хворых, очкарик, психопат, садист, самолот, саморуб, сифилитик, сумасшедший, урод, холерик*), по функции в тот или иной момент времени (*вестник, доносчик, желающий, напарник, поломой, сиделец, собеседник, собиратель, участник спортсекции, филон, часовой, ягодник*), по возрасту (*дитя, младенец, мальчик, малец, паренек, парень, пацан, подросток, ребенок, ровесник*), по этническому или географическому происхождению (*еврей, житель Азии или Кавказа, индеец, китаец, негр, осетин, поляк, чеченец*) – и ругательства (*волчара, конь, кретин, мерин, мотня лошадиная, мудалай, мкдень, остолоп, отщепенец, охальник, пахло, пёс, плебей, подонок, псина, старый болван, черт, чертяка, шакал, шакаля харя, ящер*), всего 14 лексико-семантических подгрупп.

Лексические единицы второй группы также делятся на две неравнозначные лексико-семантические группы – лагерники и чекисты. Чекисты – это *большаки, большевики, кожаная свита с пёсыми глазами, коллеги, коммунисты, красные, начальство, эти, с чёрными околышами*. Сюда же можно отнести и людей с психическими отклонениями, которые оказались на службе в соловецком лагере – *психоневротики, психопатированные личности, психопаты-истерики, психопаты-эпилептоиды*.

Оставшиеся лексемы, которые представляют собой большую часть рассматриваемой группы, называют лагерников. Их также можно разделить на неравнозначные лексико-семантические подгруппы, такие как наименования лиц, указывающие на их криминальную специализацию или категорию (*воры велосипедов, воры вокзальные, воры при размене денег – вздерщики, воры, которые обкрадывают гостей своих подруг-проституток, воры-отравители, воры-церковники, магазинные воры, запретники, скушники краденого, содержатели малин и притонов, убийца*); на физические особенности или физиологические характеристики (*битые и покалеченные конвойными, болеющие цингой, больные и покалеченные, вишивый лагерный брат, инвалиды, мороки, пара порезанных, но не добытых блатными, пьяница, туберкулёзники*); социальное происхождение, статус (*аристократия, бывшие военные, горожане, крестьяне, счётные и канцелярские работники, фабричные, эмигранты, осколки царской фамилии*); социально-политические убеждения (*белогвардейские офицеры, махновцы*); этническое или географическое происхождение (*аборигены, германцы, индусы, мордва, норвежцы, поморы, соседи по горам, чудь, чужеземцы*); карму/судьбу (*без пяти минут святые, несчастные, негодные, жертва, бедолага, горемыка*); межличностные взаимоотношения (*враги, союзники, шерочка с машерочкой, родня*); ругательства (*быдло, ироды, мразь, рептилия, погань, свинья, тварь, убожество, шваль, остолопина*); род деятельности (*кустари, лопари, могильщики, постаревшие комики, рабочие-трудники, спортивные кадры, странники, стрельцы, судьи, побирушка, прислуга*); возраст (*старичьё, двое, немногим старше его*); родственные/семейные отношения (*родня, родаки, сирота*); люди в момент выполнения той или иной функции (*беглецы, первохристиане, ходоки*). В этой группе встретились слова и выражения, если можно так выразиться, глобального обобщения – *вся человеческая порода, этап*, но не были выявлены лексико-семантические группы, в которые входили бы священнослужители, специалисты, черты характера. Очевидно, это связано с тем, что каждый священнослужитель в тексте романа представляет собой яркую личность, черты характера любого человека строго индивидуальны, а специалист в той или иной области – явление единичное, и эти лексико-семантические группы не могут включать в себя лексемы, носящие обобщенный или собирательный характер.

Лексические единицы, именующие лиц женского пола, являются самой немногочисленной группой слов. Наименований, относящих женщин к условной группе чекистов или работников Соловецкого лагеря, всего 4 – *гражданочка комиссарша, командирша, палачиха, сотрудница*, свободные женщины – *вольнонаемная, вольняшка, женщины-родственницы*, прибывшие навестить кого-то из заключенных, – *мать, дочь*. Оставшиеся слова подразделяются на следующие лексико-семантические группы: лагерницы (*женбарак, заключенная, запретница, казрочка, контрреволюционерка*); родственницы/члены семьи (*дочь, жена, мама, мамочка, матушка, мать, прабабка, сестра*); социальное происхождение (*баронесса, боярыня, крестьянка, княжна*); род занятий (*вагоновожатая, гетера, курсистка, прачка, проститутка, сиделка, стенографистка, монахиня*); возраст (*старуха, тётка, барышня, девка, женщина*); ругательства (*дрянь, чертова кочерга*); лексемы, которые положительно или отрицательно маркируют женщин как сексуальный объект (*кралечка, красавица, любимая, моё закружение, невеста, подруга, услада моя; б...дь, рублевая, шалава, шарлатанка, шкица, шмара*). Примечательно, что все слова с отрицательной коннотацией синонимичны и называют легкодоступную женщину. Согласно «Толковому словарю ненормативной лексики русского языка», *б...дь ж. вульг.: 1) проститутка; 2) развратница, потаскуха; 3) употр. как ругательство* [5, с. 47]. В «Словаре русской ментальности» это слово даётся как «утратившее в разговоре прямое значение, служит для ритмической организации речи с определенно выразительным грубым оттенком» [6, с. 52]. Изначально оно имело значение *вздор, обман, пустая болтовня*, в отличие от однокоренного *блудь – распутство, разврат*; слово стало неприличным после указов русских императриц в XVIII в., запретивших использование его как непристойного. Современное «проститутка», жарг. «всякая мерзкая личность». Слово *б...дь*, вопреки пуристам, хоть и грубо, но вполне пристойно, – его, к примеру, можно встретить в богослужебных книгах на церковнославянском. Там оно означает ошибку, заблуждение или ересь, причем не случайную, а упорную, сознательную ошибку, намеренное отступление от истины [Там же, с. 53]. Таким образом, можно утверждать, что в тексте Захара Прилепина реализовалось грубое и вульгарное значение данного слова, что обусловлено обстоятельствами и местом событий, описанными в романе. Это слово адресуется любой женщине (мужчине только как ругательство), которая имеет незаконные браком половые отношения.

Таким образом, можно утверждать, что в языковой картине мира романа «Обитель» у женщины всего три базовых ипостаси: мать, жена и б...дь (объект для удовлетворения половых потребностей). И уже в одной

из этих ролей женщина может выполнять какие-либо второстепенные социально-бытовые функции, обусловленные теми или иными обстоятельствами. Мысль о том, что женщина несвободна, что она принадлежит мужчине – отцу, мужу, сыну или любовнику, красной нитью проходит через весь роман. При первом знакомстве с Галиной мы сразу понимаем, кому она принадлежит: *Эйхманис и его женщина были верхом...* [11, с. 15]; *Это Галя, б...дь Эйхманиса, вольнонаёмная, работает в ИСО...* [Там же, с. 63]; далее эта мысль развивается: *У женщины нет Родины. Её Родина – мужчина... <...> Родина у женщины появляется, когда у неё появляется муж. Или дети* [Там же, с. 612].

Каждая женщина, которую мы видим на страницах романа, является жертвой.

Матери, жены и дочери жертвуют собой ради любимых мужчин: мужей, сыновей, отцов. Мать Артема, которую он не хочет видеть, рискует жизнью только ради того, чтобы посмотреть на сына. Мать Троянского добровольно приезжает жить в Соловецкий лагерь, лишь бы облегчить участь сына, который смотрит на нее свысока и ведет себя как глупый эгоистичный ребенок-переросток: *Троянский ещё раз посмотрел на мать, но от неё понимания ждать было тщетно – она всего лишь женщина* [Там же, с. 402]; *«Наелся, барчук, и начал изголяться над матерью», – в серьёзном раздражении подумал Артём* [Там же]. Дочь заключенного, согласившаяся на брак с Эйхманисом ради освобождения её отца, тоже приносит себя в жертву. Грузинская княжна, оказавшаяся на Соловках в том числе и за то, что вышла замуж не за того человека. Эти женщины страдают, но окружающие их люди относятся к ним с сочувствием, пониманием, уважением. Галина осуждает Артема за его нежелание видеть мать, которая проделала долгий тяжелый путь, чтобы получить с ним свидание. Артем злится на Осипа за его грубость с матерью, и заключенные женщины и конвоиры с пониманием относятся к желанию жены Виолыра увидеть мужа: *Поразительно, но женский строй, обычно матерящийся много хуже мужичья, при виде Виолыра стих – кажется, все знали, что у них свидание, и мешать не желали. Они даже чуть тише пошли – все, включая конвоиров* [Там же, с. 378]. Только самого Виолыра это несколько тяготит, он неплохо устроился при «Розмаге», и работающей на торфе жене помочь он никак не может, тогда как она, очевидно, с нетерпением ждет этих коротких встреч, чтобы только посмотреть на любимого мужчину.

Но никто не сочувствует Галине. Для всех по обе стороны «Соловецких баррикад» она любовница начальника лагеря и сотрудница ИСО, опасная женщина, от которой следует держаться подальше. А Галина всего лишь обиженная, брошенная любимым мужчиной женщина. Она вступает в опасные для нее отношения с Артемом ради мести, назло Эйхманису. Она хочет, чтобы Артем был таким же сильным, надёжным и только её. Артем цепляется за нее, как за спасительную соломинку, чтобы спастись от смерти. Каждый из них ищет спасения и любви (или спасения в любви), ошибочно принимая половое влечение, инстинкт за любовь. Пелена спадает с их глаз в момент смертельной опасности, когда Артем понимает, что он совершенно не знает эту чужую женщину. А Галина осознает, что он слабее её, а слабого мужчину она не может любить. Попытавшись связать свою судьбу с судьбой Артема, Галина совершила роковую ошибку, принесла в жертву себя и свое благополучие, свою свободу.

Никто не сочувствует тем женщинам, которые занимаются проституцией, Артем даже побрезговал воспользоваться услугами одной из них, несмотря на свои физиологические потребности, ведь он постоянно думает о том, что у него давно не было женщины. Никто не сочувствует узникам, которых насилуют потерявшие человеческий облик охранники. Если среди мужчин, поделенных по признаку свой/чужой, людьми не считаются только чужие [4], то в этих женщинах человека не видит никто – ни лагерники, ни чекисты. Для всех они только объект, необходимый для реализации полового инстинкта.

Как видим, в романе З. Прилепина «Обитель» ядром концепта «женщина» является самопожертвование. На близлежащей от ядра периферии данного концепта находится узаконенная общественными институтами любовь (материнская, дочерняя, любовь законной жены), на дальней периферии – отношение к женщине как к объекту удовлетворения полового инстинкта. Концепт «мужчина» во многом совпадает с концептом «человек», но приобретает новое периферийное значение «сила», которое реализуется в лексеме «мужик».

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз. – Медиа, 1998. Т. 1. 699 с.
2. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 537 с.
3. Иванова И. С. Концепт «человек» в романе Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 90-96.
4. Иванова И. С. «Человек», «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира как части картины мира // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 159-162.
5. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: Астрель; АСТ, 2005. 1021 с.
6. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 592 с.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
9. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 296 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
11. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ, 2015. 746 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
13. Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А. Комплексный словарь русского языка. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 1228 с.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovij_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova (дата обращения: 10.10.2017).

CONCEPTS “MAN” AND “WOMAN” IN ZAKHAR PRILEPIN’S NOVEL “ABODE”

Ivanova Irina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State Technical University
Iveera1@yandex.ru

For the first time the article attempts to analyze the concepts “man” and “woman” in Z. Prilepin’s novel “Abode”. Main attention is paid to the lexemes “man”, “woman”, “muzhik” (peasant), “baba” (peasant woman). Their core and peripheral meanings are analyzed. As a result of the analysis, the conclusion is drawn that the concept “man” largely coincides with the concept “person”, and the core of the concept “muzhik” is strength. Self-sacrifice is in the core of the concept “woman”. The main aspect of the parametrization of this concept is her relationship with the man.

Key words and phrases: Z. Prilepin; “Abode”; concept; concept core; parametrization of concepts “man”, “woman”; conceptual analysis; literary text.

УДК 81'42; 32.019.51

В статье рассматриваются различные виды манипулятивного воздействия, речевые стратегии и тактики. Изучен один из способов введения новой информации и языкового манипулирования на синтаксическом уровне – парцелляция заголовков, что усиливает экспрессию высказывания. Анализ примеров показал наиболее эффективные тактики воздействия на реципиента (тактика «переакцентуации», тактика «надевания маски», тактика подмены целей), необходимые для реализации стратегии «повышение/понижение».

Ключевые слова и фразы: массмедиа; речевое воздействие; тактика; языковая игра; парцелляция.

Исмаилова Ольга Исмаиловна

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
frezia@yandex.ru

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МАССМЕДИА НА ОСНОВЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Манипулятивное воздействие способно изменять общественное сознание, регулировать отношения внутри страны и за ее пределами, даже приводить к революциям и войнам. Манипулятивное воздействие направлено на массы таким образом, чтобы стала возможна подмена этических смыслов «культурного ядра» (т.е. когда безнравственность, например, воспринимается как норма) или модификация ментальных моделей и т.д. [8]. Ключевую роль в этих процессах играют массмедиа.

«Политические лидеры, средства массовой информации, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том числе и речевое давление, языковое манипулирование» [18, с. 279].

Цель данной работы – выявить наиболее эффективные стратегии и тактики манипулятивного воздействия, применяемые средствами массовой информации.

Мы, вслед за О. С. Иссерс, полагаем, что манипуляция представляет собой «специфическое поведение, осуществляемое путём искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [9, с. 42].

По мнению учёных (Б. И. Осипов, Ю. В. Щербинина), необходимо четкое разграничение понятий «речевое воздействие», «речевое манипулирование», «речевое мошенничество» и «речевая агрессия» [14, с. 216-217; 22, с. 94]. В большинстве случаев под речевым воздействием понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности [1, с. 53; 20, с. 27; 21].

В работе О. Г. Почепцова речевое воздействие рассматривается в аспекте реакции со стороны адресата. В связи с этим анализируются следующие задачи говорящего: 1) изменение отношения к какому-либо объекту, изменение ценностного значения объекта для субъекта (выражается в призывах, лозунгах, рекламе); 2) формирование общего эмоционального настроения (лирика, гипноз, политическое воззвание); 3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий [16, с. 85-86].

Речевое воздействие нередко связывают с понятием языковой манипуляции, т.к. сложно провести чёткую границу между ними. Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [4, с. 99]. В основе языкового манипулирования лежат психологические и психолингвистические механизмы, которые заставляют адресата не критично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. А. Д. Васильев под языковым манипулированием понимает «скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта» [5, с. 78]. В сознание манипулируемого